

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.7>

UDC 1:81'22

LBC 87.3+87.4

Submitted: 10.12.2025

Accepted: 10.02.2026

LANGUAGE AS ILLNESS AND THERAPY: NIETZSCHE AND WITTGENSTEIN THROUGH THE LENS OF THE PARATEXT

Sergey V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation

Abstract. A comparative analysis of the philosophical systems of Friedrich Nietzsche and Ludwig Wittgenstein at the level of their canonical, “system-forming” texts reveals an apparently unbridgeable gap: the irrationalist, aphoristic pathos of the former is radically opposed to the analytical rigor and logical purism of the latter. However, this study, drawing on Gérard Genette’s theory of the paratext, demonstrates that behind this obvious doctrinal opposition lies a profound unity of their fundamental philosophical intentions. Shifting the research focus from the central textual core to the paratextual periphery – prefaces, drafts, diary entries, epistolary heritage, and the very aphoristic forms – makes it possible to reconstruct a common existential and methodological stance shared by both thinkers. The analysis shows that, despite the radical difference in methodological paths (Nietzsche’s concept of language as the “breath of the body” and an affective discharge of the “will to power” is contrasted with Wittgenstein’s theory of “language games” and meaning as use), their projects converge in a paradoxical yet fundamental conclusion: language is not a representation of objective reality but an instrument of practice, rooted in pre-linguistic, lived experience. The paratexts of both philosophers reveal a striking similarity in lexico-metaphorical complexes, uncovering a shared philosophical ethos: an understanding of philosophy as a therapeutic activity aimed at healing thinking from illusions generated by the grammar of language itself; intellectual asceticism and a conscious refusal of “the help of the rabble” in favor of an elitist, highly personalized practice of inquiry; and an intuitive preference for fragmentary, non-systemic, provocative forms of expression over totalizing metaphysical constructs. Thus, paratextual analysis serves as an effective methodological key for reconstructing the hidden but substantial kinship between the projects of Nietzsche and Wittgenstein, who ultimately appear not as antagonists but as creators of two different yet similarly directed modes of language criticism, united by a single ultimate goal: its clarification, the “untying of knots”, and therapeutic overcoming.

Key words: main text, paratext as a methodological key, paratextual periphery, priority of fragmentation, resistance to trivialization.

Citation. Sakhnevich S.V. Language as Illness and Therapy: Nietzsche and Wittgenstein Through the Lens of the Paratext. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 70-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.7>

УДК 1:81'22

ББК 87.3+87.4

Дата поступления статьи: 10.12.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

ЯЗЫК КАК БОЛЕЗНЬ И ТЕРАПИЯ: НИЦШЕ И ВИТГЕНШТЕЙН В ОПТИКЕ ПАРАТЕКСТА

Сергей Владимирович Сахневич

Институт деловой карьеры, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сравнительный анализ философских систем Фридриха Ницше и Людвиг Витгенштейна на уровне их канонических, «системообразующих» текстов действительно выявляет кажущуюся непреодолимой пропасть: иррационалистический, афористичный пафос первого радикально противопоставлен аналитической строгости и логическому пуризму второго. Однако данное исследование, опираясь на теорию паратекста Жерара Женетта, демонстрирует, что за этим очевидным доктринальным противостоянием скрывается глубинное единство их фундаментальных философских интенций. Смещение исследовательского фо-

куса с центрального текстового ядра на паратекстуальную периферию – предисловия, черновики, дневниковые записи, эпистолярное наследие и сами афористические формы – позволяет реконструировать общую для обоих мыслителей экзистенциально-методологическую установку. Анализ показывает, что, несмотря на радикальное различие методологических путей (ницшеовская концепция языка как «дыхания тела» и аффективной разрядки «воли к власти») противопоставляется витгенштейновской теории «языковых игр» и значения как употребления), их проекты сходятся в парадоксальном, но фундаментальном выводе: язык является не репрезентацией объективной реальности, а инструментом практики, укорененным в долингвистическом, жизненном опыте. В паратекстах обоих философов обнаруживается поразительное сходство лексико-метафорических комплексов, раскрывающее общий философский этос: понимание философии как терапевтической деятельности, направленной на исцеление мышления от иллюзий, порожденных грамматикой самого языка; интеллектуальный аскетизм и сознательный отказ от «помощи черни» в пользу элитарной, предельно персонализированной практики вопрошания; интуитивное предпочтение фрагментарных, несистемных, провокативных форм выражения тотализирующим метафизическим конструкциям. Таким образом, паратекстуальный анализ выступает эффективным методологическим ключом, реконструирующим скрытое, но существенное родство проектов Ницше и Витгенштейна, которые предстают в итоге не как антагонисты, а как создатели двух различных, но равнонаправленных способов критики языка, объединенных единой конечной целью – его прояснения, «развязывания узлов» и терапевтического преодоления.

Ключевые слова: основной текст, паратекст как методологический ключ, паратекстуальная периферия, приоритет фрагментарности, сопротивление тривиализации.

Цитирование. Сахневич С. В. Язык как болезнь и терапия: Ницше и Витгенштейн в оптике паратекста // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.7>

Введение

Сравнительный анализ философских систем Фридриха Ницше и Людвиг Витгенштейна традиционно относится к числу наиболее сложных и парадоксальных задач в истории философии. На уровне основных текстов и доктринальных положений эти мыслители предстают как фигуры, принадлежащие к принципиально разным, если не взаимоисключающим, интеллектуальным мирам. Ницше – пророк «воли к власти», иррационалист, разбиватель скрижалей морали молотом своего стиля, призывающий к «переоценке всех ценностей». Витгенштейн – скрупулезный логик, аналитик языковых структур, стремящийся к ясности и видящий задачу философии в терапевтическом «рассеивании» метафизических туманностей. Между афористичной, пророческой страстностью одного и аскетичной, технической точностью другого, казалось бы, лежит непреодолимая пропасть. Классические сравнительные исследования, сталкиваясь с этой антиномией – атеист против (возможного) мистика, иррационалист против логика, – чаще всего констатируют их идеологическую несовместимость, оставляя за скобками вопрос о глубинном родстве их философских интенций. Однако за этой частной проблемой скрывается более фундаментальная

проблема: каким образом язык, будучи инструментом человеческой практики, искажает мышление и порождает иллюзорные представления о реальности, и возможно ли преодолеть эти искажения? Данная статья исходит из предположения, что принципиальное сходство проектов Ницше и Витгенштейна становится видимым лишь при кардинальном смещении исследовательской оптики. Если отойти от анализа их систем в законченном, каноническом виде и обратиться к периферийным, но крайне значимым слоям их наследия – к тому, что Жерар Женетт определяет как паратекст [Женетт 1998 I, 78], – то за внешним несхождением начинает проступать поразительное единство выводов. Предисловия, афоризмы, личные заметки, черновики и письма, будучи «пороговыми» элементами текста, не столько передают готовые идеи, сколько раскрывают сам философский этос автора, его экзистенциальную установку и интенциональность [Женетт 1998 II, 112]. Именно в этом пространстве, свободном от необходимости выстраивать догматическую систему, голос философа звучит наиболее непосредственно и обнаженно.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что паратекстуальный анализ позволяет выявить общую для Ницше и Витгенштейна установку сознания по отношению к фундаментальным вопросам о функции

языка и цели философии: язык является не репрезентацией объективной реальности, а инструментом практики, укорененным в долингвистическом, телесном и социальном опыте. Соответственно, задача философии видится им не в построении метафизических систем, а в терапевтическом развенчании иллюзий, порождаемых самим языком, когда его грамматические формы начинают «гипнотизировать» мышление, выдавая себя за структуру мира.

1. Различие путей

Ницше:

грамматика как оружие воли к власти

Подход Фридриха Ницше к языку представляет собой радикальный переворот в понимании самой сути речи, окончательно подрывающий классическую рационалистическую традицию от картезианства до Просвещения, для которой язык был прозрачным инструментом разума или логическим зеркалом, объективно репрезентирующим мир и мысль. Однако, чтобы в полной мере оценить масштаб и специфику этого ницшевского «коперниканского переворота», недостаточно противопоставлять его лишь данной традиции. Гораздо продуктивнее рассматривать его философию языка как сознательную инверсию и радикализацию романтического проекта. Романтики, такие как Новалис и братья Шлегели, уже совершили первоначальный поворот от *ratio* к *spiritus*, видя в языке не логический конструкт, а орган «мировой души», таинственное откровение и инструмент поэтического гения [Жирмунский 1914, 28]. Ницше наследует этот антирационалистический пафос, но производит в его рамках фундаментальную подмену: на место романтического «духа» он ставит «тело». Таким образом, его жест – это не простой возврат к материи, а замещение одной метафизической основы (дух) другой, с его точки зрения, более фундаментальной и правдивой – основой физиологической. Если для романтика язык есть «дыхание мирового духа», то для Ницше он становится «дыханием тела», его аффектов и его глубинной движущей силы – воли к власти.

В рамках этой новой парадигмы слово, прежде чем оно костенеет в отвлеченное «по-

нятие» (которое есть не что иное, как «труп мысли», по его выражению), понимается как сокращенный жест, застывшая мускульная реакция, выдох внутреннего напряжения [Ницше 2005, 45]. Метафора рождается не из мистического порыва души к бесконечному, а из нервного возбуждения, ищущего разрядки в переносе одного чувственного впечатления на другое. Грамматические структуры – это не отблески божественного Логоса и не априорные схемы чистого разума, а следы жестов господства и подчинения, кристаллизовавшиеся в синтаксисе и навязавшие мышлению свою призрачную онтологию [Nietzsche 1968, 115]. Следовательно, Ницше предлагает видеть в языке не инструмент разума и не откровение духа, а, прежде всего, физиологический феномен – непосредственное продолжение тела, его инстинктивных влечений и его подлинной метафизики, которая есть не что иное, как воля к власти. Этим он завершает секуляризацию языка, начатую романтиками, доводя ее до своего логического – и биологического – предела.

В рамках ницшевской философии «тела» речь предстает не просто альтернативой разуму, а сознательной травестией романтического идеала. Если для романтика поэт – это медиум Абсолюта, чья речь есть боговдохновенное откровение «свыше», то Ницше производит переворот, обнажающий материальный субстрат этого процесса: язык оказывается откровением «снизу», симптомом и прямым следствием глубинных, зачастую темных и хаотичных процессов, происходящих в человеческом организме. Язык, по Ницше, – это не озвученная мысль, а в первую очередь звуковое испарение тела, внешнее проявление внутреннего напряжения нервной системы. Первичен не логический замысел, а аффективный импульс – энергия, требующая разрядки. Эта энергия, это физиологическое давление и есть подлинный источник вербализации. Мысль не предшествует слову как его причина; напротив, слово становится физиологической разгрузкой, желанным выдохом, которого ищет переполненное переживаниями тело [Ницше 2007, 201].

Отсюда проистекают характерные для Ницше пищеварительные и физиологические метафоры: «дух» оказывается не чем иным, как «метаболизмом», «перевариванием» впе-

чатлений, а речь – его конечным «продуктом». Это не просто риторическое сравнение, а методологическая установка, сознательная травестия романтического «духа». Там, где романтик видел парение, Ницше обнаруживает перистальтику – мышечные сокращения, переводящие внешний мир в язык внутренних состояний и обратно в речь. Таким образом, слово из божественного «логоса» или послания души превращается в материальный след работы организма, где за метафорой скрывается мышечный рефлекс, а за грамматикой – кристаллизовавшаяся иерархия аффектов.

В своей работе «Утренняя заря» Ницше афористично фиксирует этот механизм: «Слова разряжают и потребляют силу» [Ницше 2020, 128]. Эта лаконичная формула раскрывает двойственную природу речи: с одной стороны, она служит каналом для высвобождения накопленной энергии (разрядка), а с другой – сама по себе является актом ее расходования, тратой сил. Таким образом, говорение оказывается не столько творческим актом, сколько физиологической необходимостью, жестом ослабления внутреннего давления. Эта модель находит многочисленные подтверждения в других фрагментах его текстов. Так, «пессимистические представления находят себе разрядку» [Ницше 2020, 131] – здесь речь идет о том, как тяжелые, угнетающие мысли и состояния находят свой выход, свою разгрузку именно в вербализации, в оформлении в словесную форму. Само выражение «находят себе разрядку» указывает на некий произвольный, почти механистический процесс, подобный электрическому разряду.

В более масштабном, историческом ключе Ницше описывает, как целые пласты коллективного аффекта находят свой выход в языке. Он пишет о «вековой бессловесной ненависти усталых зрителей к Риму», которая, накопившись до критической массы, «разрядилась наконец в христианстве – в слове» [Ницше 2020, 64, 82, 233]. В этом примере христианская доктрина интерпретируется не как система теологических идей, а как грандиозная вербальная разрядка колоссального социально-психологического напряжения. Крайне показателен пример из «Веселой науки», где Ницше обращается к истокам поэзии. Он указывает, что у древнего человека существо-

вала потребность «освободить свою собственную душу от какого-нибудь чрезмерного гнета (тоски, мании, сострадания, мстительности) и не только свою собственно душу, но также и дух самого злобного демона – стихом» [Ницше 1882, 57]. Эта мысль, развивавшая теории происхождения языка, широко обсуждавшиеся в XIX в. (от Гердера и Гумбольдта до, например, Людвигу Нуаре), приводит Ницше к выводу, что ритмизированная речь является не формой эстетического украшения, а мощным психотехническим инструментом, своего рода заклинанием, позволяющим выплеснуть, экстернализовать непереносимый внутренний гнет.

Этот до-языковой импульс можно рассматривать как аффективный аналог беняминовского «чистого языка» – того ядра, которое «обременено тяжелым, чуждым смыслом» и которое стремится к освобождению в акте вербализации [Benjamin 1968, 15]. Однако важно провести различие: если у Ницше этот импульс укоренен в физиологии и биологии «воли к власти», то у мыслителей второй половины XX в., таких как Юлия Кристева, схожий процесс описывается через призму структурализма и марксизма. Обращаясь также к теориям деятельности, она описывает его как «долингвистическое состояние личности, ее аффективные пульсации, влечения и их архаические проявления» – то измерение («семиотическое»), которое связано не со значением, а с телесными энергиями, предшествующими установлению символического порядка [Кристева 2004, 21]. Эта модель находит свое развитие не только у Ю. Кристевой (2004), но и в психоаналитической теории Жака Лакана, для которого «язык (“символическое”) является структурой, опосредующей и формирующей само бессознательное субъекта» [Лакан 2006, 90].

Из этого понимания речи как аффективной разрядки закономерно вытекает ницшеанская критика разума. С точки зрения философа, разум, логика и сознательное мышление являются не первичными инстанциями, а производными, поверхностными явлениями, возникающими на основе гораздо более глубоких, мощных и слепых процессов. Ницшевская интуиция о первичности аффективного, телесного импульса перед вербализацией на-

ходит неожиданное подтверждение в современных исследованиях нейронаук, например, в работах Антонио Дамасио о роли телесных «маркеров» и эмоций в формировании сознания и принятии решений» [Дамасио 2018, 67].

**Витгенштейн:
язык как набор инструментов
в «формах жизни»**

Поздняя философия Людвиг Витгенштейна, сфокусированная в его «Философских исследованиях», совершает радикальный поворот от репрезентативной модели языка, где слово является картиной положения дел или именем вещи, к прагматической и функциональной его концепции. Язык предстает здесь не как статичное зеркало мира, а как подвижный набор «языковых игр», вплетенных в ткань человеческой деятельности – «форм жизни». Ключевой тезис Витгенштейна – «значение слова есть его употребление в языке» [Витгенштейн 2018, 25] – направлен против искушения искать некую сущность, стоящую за словом. Вместо этого он предлагает рассматривать слова, как инструменты в ящике с инструментами: «Представь себе инструменты в ящике: там есть молоток, клещи, пила, отвертка, линейка, горн с клеем, гвозди и винты. Сколь различны функции этих объектов, столь же разнообразны и функции слов» [Витгенштейн 2018, 11]. Такой подход позволяет преодолеть традиционную метафизическую проблему «субстанциализации» имен, когда мы, очарованные грамматической формой существительного, начинаем искать в мире соответствующий ему самостоятельный объект (например, «значение», «сознание», «истину»), что и порождает, по Витгенштейну, многие философские псевдопроблемы.

Однако именно здесь таится главная ловушка, которую Витгенштейн идентифицирует как «грамматический гипноз». Нас, по его мнению, очаровывает грамматика нашего языка. Мы попадаем в плен формы и начинаем верить, что за каждым существительным должна стоять некая субстанция, а любое грамматически корректное предложение обязано описывать некий факт. Этот гипноз возникает из фундаментального несоответствия между грамматикой и логикой практического употребления. Мы с детства усваиваем грамматические структуры

как нечто естественное и универсальное, и грамматически правильное предложение выглядит осмысленным *по определению*. Эта иллюзия заставляет нас проецировать логическую упорядоченность грамматики на сам мир, полагая, что *структура языка* является точным слепком *структуры реальности*.

Классическим примером такой работы языка, сбившегося с пути практического употребления, является разбираемая Витгенштейном фраза «Я знаю, что это моя рука». Грамматически это безупречное повествовательное предложение, содержащее личное местоимение, глагол «знать» и дополнение. Оно *выглядит* как осмысленное утверждение, несущее информацию. Практически же, в подавляющем большинстве реальных ситуаций, оно «простаивает вхолостую». Мы не используем его для передачи знания. Его произнесение либо избыточно (я и так пользуюсь рукой), либо бессмысленно (какое «знание» я демонстрирую?), либо является симптомом психического расстройства [Витгенштейн 2001, 54]. Проблема возникает, когда философ, очарованный грамматическим сходством этого предложения с утверждениями вроде «Я знаю, что поезд приходит в пять», начинает искать скрытое знание, которое оно будто бы передает, и строить теории достоверности и скептицизма. Фраза «простаивает вхолостую» не сама по себе, а в специфическом философском употреблении, где ее вырывают из живой языковой игры и заставляют работать в чужой, порождая мнимую проблему. Витгенштейн показывает, что вопрос здесь не в достоверности, а в неправильном истолковании логики употребления выражения «я знаю» [Витгенштейн 2018, 87].

Витгенштейн демонстрирует, что осмысленность любого высказывания целиком зависит от контекста, то есть от конкретной языковой игры, в которой оно произносится. В контексте хирурга после сложной операции, который, сняв повязку, с облегчением говорит пациенту: «Я знаю, что это ваша рука, и она спасена», – это осмысленное утверждение. Здесь фраза является значимым ходом в языковой игре медицинского заключения, где знание о состоянии конечности было предметом сомнения, профессиональных усилий и теперь подтверждается. Глагол «знать» здесь употребляется уместно, так как он снимает предыду-

щую эпистемическую неопределенность. Напротив, если человек, просто глядя на собственную неповрежденную руку в обыденной обстановке, заявляет: «Я знаю, что это моя рука», – высказывание теряет осмысленность. Хотя оно грамматически безупречно, оно не выполняет

никакой коммуникативной функции: не информирует, не утешает, не предупреждает. Оно не является ходом ни в одной реальной языковой игре. Его произнесение симулирует глубину там, где ее нет, и порождает философскую псевдопроблему [Витгенштейн 2018, 88].

Таблица 1

Сравнительный анализ канонических текстов Ф. Ницше и Л. Витгенштейна

Критерий сравнения	Фридрих Ницше	Людвиг Витгенштейн
Основная метафора языка	Тело и его физиология: – язык как «дыхание тела»; – слово как «сокращенный жест», «застывшая мускульная реакция»; – речь как «звуковое испарение тела», «продукт метаболизма»	Инструмент и игра: – язык как «набор инструментов» (молоток, клещи, отвертка); – язык как совокупность «языковых игр»
Происхождение и сущность языка	Аффективная разрядка «Воли к власти»: – первичен аффективный импульс, требующий разрядки; – мысль не предшествует слову; слово – это физиологическая разгрузка; – язык – это откровение «снизу», симптом глубинных телесных процессов	Практика и социальная деятельность: – язык коренится в «формах жизни» – долингвистических, социальных практиках; – «вообразить язык – значит вообразить форму жизни»; – язык вторичен по отношению к совместной человеческой деятельности
Функция языка	Выражение и оружие: – выражение внутреннего состояния витальности (силы или упадка); – оружие в перспективной борьбе различных центров «воли к власти»; – разрядка колоссального психофизиологического напряжения (индивидуального и исторического)	Коммуникация и действие: – значение слова есть его употребление в языке; – функция – быть ходом в языковой игре; – инструмент для координации действий внутри «формы жизни»
Ключевая проблема языка	Метафизические иллюзии, телос: – грамматические структуры – это кристаллизовавшиеся жесты господства и подчинения; – они навязывают мышлению призрачную онтологию (субстанцию, субъект, причинность)	«Грамматический гипноз» и псевдопроблемы: – склонность проецировать структуру языка на структуру реальности; – возникновение философских псевдопроблем, когда язык «простаивает вхолостую», оторванный от практики
Критика разума / философии	Критика разума как производного феномена: – разум, логика и сознание – вторичные инструменты «воли к власти»; – задача: разоблачить возвышенные идеи, вскрыв их низменные (физиологические) причины	Критика метафизики как заблуждения употребления: – метафизические проблемы – это «головоломки», возникающие, когда «язык праздноует»; – задача: терапевтически прояснить употребление слов, вернуть их к повседневному контексту
Родственные философские традиции	– радикализация и инверсия романтизма (замена «духа» на «тело»); – предвосхищение идей психоанализа и телесно-ориентированной философии	– разрыв с классическим рационализмом и логическим атомизмом (его ранним «трактатом»); – пересечения с прагматизмом и Феноменологией (Мерло-Понти)

Этот механизм «очарования» формой проявляется и в расцвете так называемых «глубокомысленных» высказываний, которые Ролан Барт в своей работе «Мифологии» анализировал как вторичные семиотические системы, паразитирующие на первичной [Барт 1989, 234]. Фразы вроде «Красота спасет мир» или «Отпусти прошлое» в своей первичной функции могут быть осмысленными, но, будучи тиражируемыми как риторические формулы, превращаются в чистые формы, «оболочки» знаков. Их сила – не в смысловой новизне, а в узнаваемости и комфортном подтверждении существующих культурных кодов, что Барт характеризовал как создание «текста-удовольствия», который «доставляет удовлетворение... происходит из культуры и не порывает с нею» [Barthes 1975, 13, 18]. Их работа заключается в нормализации и депроблематизации человеческого опыта, упаковывая живой, хаотичный аффективный импульс в готовые, безопасные и социально одобряемые формы. «Отпусти прошлое» не предлагает анализа травмы, а ритуально «закрывает» ее, подменяя работу памяти грамматическим императивом.

С точки зрения Витгенштейна, проблема таких высказываний заключается в том, что они утрачивают связь с конкретной языковой игрой. Они превращаются в самодостаточные грамматические формулы, которые кажутся универсально применимыми, но на деле не несут операционального смысла без восстановления утраченного контекста. Глагол «отпусти» здесь – не описание действия, а пустая форма, за которой не стоит ясного метода или критерия успеха. Смысл возвращается к таким фразам лишь тогда, когда мы отвечаем на витгенштейнианский вопрос: «В какой конкретной языковой игре это предложение является ходом?» – будь то игра психотерапевтического сеанса, игра дружеской поддержки или игра идеологического клише [Витгенштейн 2018, 123].

2. Паратекст как методологический ключ к конвертации противоречий текстов Ницше и Витгенштейна в их апории

Переход от анализа доктринального ядра философских систем к исследованию их паратекстуальной периферии. К ним относятся

предисловия, послесловия, переписка, дневники, черновики и даже сама материальная форма издания. Эти «пороговые» элементы, будучи свободными от необходимости выстраивать стройную догматическую систему, раскрывают не столько готовые идеи, сколько саму экзистенциальную установку автора, его интеллектуальные муки и интенциональность. Именно в этом пространстве «непосредственного голоса», когда автор меньше всего контролирует то, что он пишет [McCormack 1986, 18, 29], становится возможным выявить то глубинное родство проектов Ницше и Витгенштейна, которое остается невидимым при традиционном сравнительном анализе. Сравнительный анализ лемм, извлеченных из их паратекстов, позволяет реконструировать общую для обоих мыслителей установку сознания по отношению к фундаментальным вопросам о функции языка и цели философии.

Общая терапевтическая установка и позиция «врача»

Центральной для паратекстов обоих философов является медицинско-терапевтическая метафорика. Ницше последовательно выстраивает образ себя как «врача культуры», задачей которого является диагностика социального и духовного «упадка» и его радикальное «лечение». В черновиках и письмах он прямо заявляет: «Мое дело – исцеление человечества» [Ницше 2007, 312]. Его знаменитый призыв «философствовать молотом» из предисловия к «Сумеркам идолов» – это не просто риторика, а методологическая программа «испытания» и разбивания больных, декадентских ценностей, которые он идентифицирует как симптомы болезни. Эта терапия носит характер хирургического вмешательства, направленного на вскрытие и удаление «гноя» метафизических иллюзий [Nietzsche 1968, 26, 135].

С поразительной точностью эту же установку, хотя и выраженную в иной, менее воинственной тональности, мы находим у Витгенштейна. В личных дневниках и записях, позднее вошедших в «Культуру и ценность», он определяет задачу философии как «борьбу с околдовыванием нашего интеллекта средствами нашего языка» [Витгенштейн 2024, 78]. Его метафора – «показать мухе выход из му-

холовки» – является классическим терапевтическим жестом, направленным не на агрессивное разрушение, а на избавление от страдания, вызванного философскими псевдопроблемами. Понятия «болезнь» и особенно «симптом» служат концептуальной основой для противопоставления двух подходов к психологии: каузально-научного (где есть симптомы и скрытые причины) и грамматико-философского (где есть выражения и языковые игры) [Витгенштейн 2001, 7, 29, 42, 53, 102]. Если Ницше-«врач» применяет «молот» для разбивания идолов, то Витгенштейн-«терапевт» занимается тонкой «интеллектуальной гигиеной», прочищая засоры в каналах понимания. Его метод – это терапевтическое прояснение, возвращение слов из их метафизического употребления обратно к повседневному [Витгенштейн 2001, 101]. Объединяет их общая цель: *исцеление* мышления от патологий, источник которых они оба видят в языке.

Общее отношение к «черни»

Наиболее ярко единство философского этоса проявляется в паратекстуальном блоке, связанном с отношением к «черни». Этот комплекс лемм (толпа, большинство, публика, филистимляне, остальные, примитивные люди, обыватели, народ / люди как масса, публика) раскрывает глубоко аристократическую и элитистскую установку обоих мыслителей, проходящих этап строгого интеллектуального аскетизма. Для Ницше «лечение от желания помочь черни» является ключевым этапом самопреодоления философа. В письмах и набросках к «Заратустре» он пишет о необходимости «преодоления сострадания», видя в «религии сострадания» одну из главных болезней современности, ослабляющую волю [Ницше 2019, 155]. Его задача – не паллиативная помощь «страдающему стаду», а радикальное «уничтожение причин» этого страдания, что возможно лишь через переоценку всех ценностей, предпринятую «немногими» избранными.

Витгенштейн, при всей внешней скромности своего стиля, в паратекстах демонстрирует сходную позицию, которая была закалена и подтверждена его личным, крайне неудачным опытом. Его решение в 1920-х гг. оставить академическую карьеру в Кембрид-

же (лучше пасти баранов в Турции, чем преподавать в Кембридже) и отправиться учительствовать в сельских школах Австрии можно рассматривать как своеобразный аскетический жест, попытку «помочь» через приобщение к простому труду и просвещению. Однако этот опыт, подробно отраженный в его дневниках и воспоминаниях современников, обернулся горьким разочарованием. Витгенштейн столкнулся с непониманием, косностью и враждебностью как со стороны местных крестьян, так и их детей: «малопривлекательной толпе, лучшие представители которой преследуют собственные цели...» [Витгенштейн 2024, 35] (а худшие, видимо, и оказались теми самыми турецкими баранами) и полагают, что способны видеть «предел человеческого понимания»...» [Витгенштейн 2024, 51]. Его интеллектуальные и моральные требования оказались чужды и непонятны «черни», в которой он надеялся найти если не отдушину, то хоть какое-то простое человеческое понимание: «Люди сегодня считают, что ученые должны наставлять их, а поэты... развлекать» [Витгенштейн 2024, 76].

Это разочарование напрямую повлияло на его философскую установку: «Не без сопротивления я отдаю эту книгу публике» [Витгенштейн 2024, 116]. В «Культуре и ценности» он с горечью замечает: «Философия, как я ее понимаю, ничего не может сказать толпе; она обращена только к отдельному человеку» [Витгенштейн 2024, 112]. Его терапевтический метод эффективен лишь при наличии внутреннего запроса, собственного «интеллектуального дискомфорта» у пациента. Помощь возможна только тому, кто уже «бьется в мухоловке» и сам ищет выхода. Этот горький урок преподавания окончательно убедил его в тщетности и даже вредности миссионерского порыва нести философию массам, поэтому он решил запретить двери, привлекающие лишь тех, кто способен их открыть, а остальные должны идти мимо» [Витгенштейн 2024, 37].

Оба философа, каждый своим путем – Ницше через умозрительное «преодоление сострадания», а Витгенштейн через болезненный практический опыт – «примитивные люди всему поражались», «от народа этого не дождешься...» [Витгенштейн 2024, 33, 46] – приходят к выводу, что видят в философии не

социальную миссию, а строгую персональную практику, требующую разрыва с утилитарными и морализаторскими ожиданиями «большинства»: филистимляне не кричали бы» [Витгенштейн 2024, 92].

Общий метод:

фрагментарность и процессуальность

Наиболее очевидным паратекстуальным свидетельством общности философской установки Ницше и (позднего) Витгенштейна является их сознательный отказ от системности в пользу фрагментарных, афористичных и процессуальных форм выражения. Этот выбор не является лишь вопросом стиля или литературного предпочтения; он представляет собой прямое следствие их понимания самой сути философского труда как деятельности, принципиально не завершаемой в догматическую конструкцию. В паратекстах – черновиках, предисловиях, личных заметках – оба мыслителя неоднократно рефлексировали над этой формой, раскрывая ее глубокую методологическую и экзистенциальную обусловленность.

У Ницше афористичный, обрывочный стиль есть форма, адекватная содержанию его мысли о мире как о становлении, лишенном конечной цели и устойчивой субстанции. В предисловии к «Утренней заре» он прямо связывает свою манеру письма с новым способом философствования: «Я взял себе за правило... доверять любой мысли, которая рождается на ходу, в движении, на открытом воздухе» [Ницше 2020, 15]. Его черновики и письма демонстрируют, как философские концепции буквально «вырастают» из конкретных физиологических и психологических состояний – прогулки, болезни, момента творческого подъема. Этот метод он называет «подслушиванием» за собой, превращением философии в «исповедь ее создателя» [Ницше 2007, 89]. Таким образом, фрагмент у Ницше – это не просто сокращенный трактат, а след процесса, зафиксированный момент работы «воли к власти», которая никогда не останавливается и не кристаллизуется в систему. В паратекстах, особенно в набросках к «Воле к власти», эта процессуальность видна особенно ясно: мы наблюдаем не построение теории, а лабиринт развивающихся, сталкивающихся и самооп-

ровергающих интуиций. Система была бы для Ницше предательством этого потока, насильственным наложением логического порядка на хаотичную игру аффектов.

С поразительной точностью эту же логику, хотя и в совершенно иной тональности и терминологии, мы находим у Витгенштейна. Его философская эволюция от строго систематического, нумерованного афоризма «Логико-философского трактата» к свободной, диалогической структуре «Философских исследований» сама по себе является паратекстуальным свидетельством смены метода. В предисловии к «Исследованиям» Витгенштейн прямо отрекается от идеала системности: «Мне вдруг показалось, что мои результаты... должны излагаться, лишь двигаясь окольным путем, путь, которым я шел» [Витгенштейн 2015, 142] – от предмета к предмету, «переход от одного типа к другому» [Витгенштейн 2015, 125] в виде ряда... философских заметок» [Витгенштейн 2018, 46]. Он характеризует свою книгу, как «альбом эскизов», созданный в ходе «долгого и запутанного путешествия» мысли. Эта форма не случайна: она отражает его позднее понимание языка как множества независимых «языковых игр», не сводимых к единому фундаменту. Систематический трактат предполагал бы существование некой скрытой сущности языка, которую Витгенштейн в поздний период отрицает: «...не относится ни к физике, ни к психологии цвета» [Витгенштейн 2022, 20], «Мы хотим обрести не теорию цвета... но логику цветовых понятий» [Витгенштейн 2022, 16]. Поэтому фрагментарность «Исследований» – это не недостаток, а методологический императив, способ удержать внимание на конкретных случаях употребления, не поддаваясь искушению построить общую теорию: «Учение Гете... вообще не является теорией» [Витгенштейн 2022, 28]. Его дневники и заметки показывают, как философские проблемы возникают для него не как абстрактные тезисы, а как конкретные интеллектуальные затруднения, требующие проработки в форме коротких, иногда обрывистых рассуждений.

Паратекстуальный анализ позволяет увидеть, что за разными формами фрагмента (ницшевский афоризм-пророчество и витгенштейннианская заметка-терапия) стоит общая

установка на процессуальность и незавершенность. Оба философа через форму своего письма утверждают, что философская истина – это не готовый продукт, а деятельность, путь, «путешествие». Фрагмент становится орудием против «гипноза» системного мышления, которое, по их убеждению, подменяет живую мысль ее окостеневшей схемой. И Ницше, и Витгенштейн видят в систематической философии симптом метафизического заблуждения – веры в то, что структура мира соответствует структуре нашего логического или грамматического построения. Их собственная фрагментарная манера есть одновременно и следствие, и орудие критики этого заблуждения: она постоянно напоминает читателю (и самому автору) о промежуточности, ситуативности и личной укорененности любого философского высказывания: «...Доложи о том, является ли некое определенное тело более или менее светлым... На изображении... небо светлее белой бумаги» [Витгенштейн 2022, 9, 50]. Более того, эта форма глубоко связана с их общей терапевтической установкой. Терапия – это всегда процесс, а не одноразовый акт, и она требует индивидуального подхода к каждому конкретному случаю («заблуждению», «головоломке»). Афоризм у Ницше и антинумерованный параграф у Витгенштейна функционируют как точечные терапевтические вмешательства, направленные на конкретный симптом «болезни» мышления. Однако они не складываются в общую теорию болезни, а демонстрируют множество ее проявлений и возможных способов работы с ними. Следовательно, фрагментарность и процессуальность – «процесс сугубо психологический» [Витгенштейн 2015, 13] и «процесс анализа» [Витгенштейн 2015, 90], выявляемые в паратекстах, являются не второстепенным стилистическим признаком, а ключевым элементом философского этоса Ницше и Витгенштейна. Этот общий метод служит материальным свидетельством их глубинного родства: оба понимают философию как персональную, непрерывную и по сути незавершимую практику прояснения, в которой форма изложения должна быть столь же динамичной, подвижной и антидогматичной, как недоверие к грамматике языка [Витгенштейн 2015, 12], как и сама мысль, стремящаяся освободиться от пут

языка. Форма изложения должна быть столь же динамичной, подвижной и антидогматичной, как и сама мысль, стремящаяся освободиться от пут языка. Этот подход находит отклик в постструктуралистской концепции «ризомы» [Делез, Гваттари 2010, 34] и «схизоанализа» [Гваттари 2020, 56], также отстаивающих множественность, нелинейность и сопротивление тотализирующим структурам.

Сознательный отказ от системности в пользу афоризма – «образа», «картины», «модели» [Витгенштейн 2015, 38–39, 69], «набросать образ мира» [Витгенштейн 2015, 48], «пробного образа» [Витгенштейн 2015, 46] – является для них не просто стилистическим приемом, а «единственно адекватной формой выражения процессуальности, незавершенности и экзистенциальной укорененности мысли, процесс сугубо психологический» [Витгенштейн 2015, 13], «процесс анализа» [Витгенштейн 2015, 90].

Общая критика метафизики: разоблачение против прояснения

Если в паратекстах Ницше и Витгенштейна обнаруживается общее понимание философии как терапевтической деятельности, то ее главным и наиболее конкретным объектом становится для них метафизика – тот пласт философских построений, который, по их убеждению, вырастает из фундаментальных иллюзий, навязанных языком [Витгенштейн 2020, 133–134, 140–143], который «расставляет всем схожие ловушки: это огромный лабиринт с множеством неверных поворотов...» [Витгенштейн 2024, 54–55]. Их паратексты свидетельствуют, что оба мыслителя видят в метафизике не высшее достижение философского разума, а его систематическое заблуждение – «загадочные трудности» [Витгенштейн 2024, 50–51], требующие не опровержения в рамках той же игры, а радикальной деконструкции [Витгенштейн 2020, 107–110]: Ницше избирает тактику разоблачения скрытых, зачастую физиологических мотивов, стоящих за возвышенными понятиями, а Витгенштейн практикует прояснение грамматических истоков самих этих понятий, показывая их оторванность от реального употребления, например, о произвольности грамматических

правил в отличие от кулинарных [Витгенштейн 2020, 133–134].

У Ницше критика метафизики носит характер генеалогического развенчания. В его черновиках и заметках метафизика предстает как «история заблуждений о причине», напрямую вытекающая из структуры нашего языка [Nietzsche 1968, 61]. Ключевые категории западной мысли – «субстанция», «субъект», «причинность», «бытие» – интерпретируются им не как открытия о мире, а как следы жестов господства и подчинения, застывшие в синтаксисе и семантике. Грамматическая потребность в подлежащем и сказуемом порождает, по Ницше, иллюзию устойчивого «я» за потоком переживаний и независимой «вещи» за пучком свойств. Метафизика оказывается не интеллектуальной ошибкой, а симптомом определенного состояния «воли к власти» – ее ослабления, стремления к стабильным, но фиктивным опорам в мире становления. Его задача – не оспорить тезисы метафизиков, а вскрыть их низменное, телесное происхождение, показав, что за «истиной» скрывается воля к упрощению и господству, а за «моралью» – *ressentiment*. Критика метафизики у Ницше – это всегда разоблачение содержания идей через апелляцию к их генезису [Ницше 2019, 120].

Витгенштейн, напротив, оставляет вопрос о происхождении метафизических идей, которые ошибочно «делятся на два класса: хорошие и дурные, за скобками» [Витгенштейн 2024, 109]. Его интерес сосредоточен не на том, почему они возникают, а на том, как они работают – или, вернее, перестают работать [Витгенштейн 2020, 113–118]. В дневниках и заметках он описывает метафизические проблемы не как «заблуждения» в обычном смысле [Витгенштейн 2020, 41, 108, 151, 166, 171, 195, 217], а как «головоломки» или «болезни понимания», возникающие, когда «язык празднует», то есть функционирует вхолостую, оторванный от «форм жизни» [Витгенштейн 2018, 123; Витгенштейн 2024, 112]. Его метод – это грамматическое прояснение. Задача состоит в том, чтобы проследить, как метафизические термины («сознание», «абсолют», «значение-в-себе») вырываются из конкретных языковых игр, где они имеют четкую функцию и начинают использоваться как име-

на таинственных сущностей. Однако нельзя считать подлинно существующими некоторые хорошо известные философские проблемы: эти проблемы мнимые [Витгенштейн 2024, 8–11].

Проблема, таким образом, заключается не в ложности метафизических утверждений, а в их бессмысленности: они не являются ходом ни в одной реальной игре. Критика Витгенштейна направлена на форму метафизического дискурса, на демонстрацию того, что его предложения лишь симулируют осмысленность, будучи порождены «очарованием» грамматической формой [Витгенштейн 2020, 74–77].

Паратекстуальный анализ показывает, что общим полем битвы для Ницше и Витгенштейна является метафизика как продукт автономии языка. Однако их тактики радикально расходятся: Ницше атакует ее «снизу», через разоблачение аффективных и физиологических корней, Витгенштейн – «изнутри», через прояснение грамматических условий ее возможности: «Основной порок логики Рассела и моей в “Логико-философском трактате” в том, что одно предложение иллюстрируется парой банальных примеров, а потом предполагается, что мы поняли его во всей полноте» [Витгенштейн 2001, 12].

Различие между разоблачением и прояснением становится ключом к пониманию того, как единый критический импульс – освобождение мысли от диктата языка – реализуется в двух несводимых, но взаимодополнительных регистрах. Это различие не отменяет их глубинного родства, а, напротив, подтверждает его: оба видят в языке не нейтральный инструмент, а источник фундаментальных философских иллюзий, требующий не систематического преодоления, а точечного, терапевтического вмешательства, специфика которого и раскрывается в их подходах к метафизике.

Заключение

Проведенный в статье анализ демонстрирует, что паратекстуальная оптика является решающим методологическим инструментом, позволяющим выявить глубинное единство философских проектов Фридриха Ницше и Людвиг Витгенштейна, которое остается невидимым при традиционном доктринальном сравнении. Несмотря на радикальное различие их пу-

Таблица 2

Сравнительный анализ лемм в паратекстах Ницше и Витгенштейна

Тематический блок	Ключевые леммы	Контекст у Ницше	Контекст у Витгенштейна
Общая терапевтическая установка и позиция «врача»	Врач, диагноз, терапия, болезнь, симптом, исцеление, гигиена	– врач культуры; – диагностика упадка; – больная цивилизация; – лечение молотом	– терапия языка; – лечение заболевания понимания; – прояснение как исцеление; – интеллектуальная гигиена
Общее отношение к «черни»	Толпа, большинство, публика, филистимляне, остальные, примитивные люди, обыватели, народ / люди как масса, публика	– нежелание помочь черни как ключевой этап самопреодоления философа; – критика религии страдания как болезни; – не помочь страданию, а уничтожить его причины – отказ от паллиативной помощи стаду; – философ как катартик, очищающий себя от стадного инстинкта	– отказ от миссионерской позиции в философии; – критика желания спасти других от заблуждений прямым наставлением; – терапия только для тех, кто сам испытывает интеллектуальный дискомфорт; – показать выход тому, кто уже бьется в мухоловке, а не нести истину толпе
Общий метод: фрагментарность и процессуальность	Афоризм, фрагмент, эскиз, процессуальность, путь, антидогматичность	– фрагментарный стиль; – не просто манера письма, а суть философии; – мир постоянно меняется, и мысль должна быть такой же подвижной; – афоризмы – это «ментальные снимки» мысли, рожденные в движении, во время прогулок, в моменты озарений; – система для Ницше – предательство живого потока мышления	– от системного трактата он пришел к сборнику заметок и «альбому эскизов»; – для него фрагментарность – необходимость: язык состоит из множества независимых «игр», и общая теория невозможна; – его заметки – это шаги в решении конкретных головоломок, а не строительство системы
Общая критика метафизики: разоблачение против прояснения	Головоломка, головоломки языка, бессмыслица, бессмыслица метафизики, грамматические ловушки, язык празднует, прояснение, псевдопроблема, ошибка, заблуждение	– заблуждения разума; – ошибки метафизики; – критика субстанции; – грамматика как источник иллюзий	– головоломки языка; – бессмыслица метафизики; – грамматические ловушки; – язык празднует

тей – иррационально-физиологический пафос Ницше и логико-терапевтическую скрупулезность Витгенштейна – паратексты (предисловия, черновики, письма) раскрывают поразительное сходство их фундаментальной установки.

Это единство проявляется в четырех ключевых аспектах.

Оба мыслителя видят суть философии не в построении метафизических систем, а в лечении мышления от патологий, источником

которых является язык. Если Ницше использует «молот» для диагностики культурного упадка и разбивания больных ценностей, то Витгенштейн предлагает «интеллектуальную гигиену» для рассеивания грамматических иллюзий. Однако в основе обоих методов лежит установка на *исцеление*.

Сквозь призму паратекстов очевидно их общее отношение к «черни». Стратегия «лечения от желания помочь» (Ницше) и отказ

от миссионерства (Витгенштейн) указывают на понимание философии как строгой *персональной практики*, адресованной «немногим» и требующей разрыва с морализаторскими ожиданиями большинства.

Сознательный отказ от системности в пользу афоризма – «образа», «картины», «модели», «набросать образ мира», «пробного образа» – является для них не просто стилистическим приемом, а единственно адекватной формой выражения процессуальности, незавершенности и экзистенциальной укорененности мысли.

За внешним противоречием их концепций – «язык как дыхание тела» (Ницше) и «язык как набор инструментов» (Витгенштейн) – проступает общий фундаментальный вывод: язык является не репрезентацией объективной реальности, а *инструментом практики*, укорененным в долингвистическом,

телесном и социальном опыте («воля к власти» / «формы жизни»).

Паратекстуальный анализ позволяет реконструировать общий философский этос Ницше и Витгенштейна. Их проекты предстают не как взаимоисключающие доктрины, а как два различных, но равнонаправленных способа осуществления одной и той же задачи: *прояснения и исцеления человеческого мышления через радикальную критику языка*. Данный подход открывает перспективу для нового прочтения других, на первый взгляд, несопоставимых философских традиций.

Таким образом, паратекстуальный анализ позволяет реконструировать общий философский этос Ницше и Витгенштейна, предвосхитивший многие интуиции постструктуралистской мысли [Делез 2004, 78] и открывающий перспективу для нового прочтения других, на первый взгляд, несопоставимых философских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Витгенштейн 2001 – *Витгенштейн Л.* Заметки о философии психологии. Т. 1. М.: Дом интеллектуал. кн., 2001.
- Витгенштейн 2015 – *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.
- Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2018.
- Витгенштейн 2020 – *Витгенштейн Л.* Заметки. Zettel. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Витгенштейн 2022 – *Витгенштейн Л.* Заметки о цвете. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022.
- Витгенштейн 2024 – *Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ, 2024.
- Гваттари 2020 – *Гваттари Ф.* Машинное бессознательное: Эссе по схизоанализу. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.
- Дамасио 2018 – *Дамасио А.* Самосознание и разум: Построение сознательного мозга. М.: Карьера Пресс, 2018.
- Делез 2004 – *Делез Ж.* Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕРСЭ, 2004.
- Делез, Гваттари 2010 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
- Жирмунский 1914 – *Жирмунский В.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. Товарищества А.С. Суворина «Новое Время», 1914.
- Кристева 2004 – *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.
- Лакан 2006 – *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 10: Тревога. М.: Гнозис: Логос, 2006.
- Ницше 1882 – *Ницше Ф.* Веселая наука. М.: ОМКО, 1882. 298 с.
- Ницше 2005 – *Ницше Ф.* Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культур. революция, 2005.
- Ницше 2007 – *Ницше Ф.* Письма. М.: Культур. революция, 2007.
- Ницше 2019 – *Ницше Ф.* Антихрист. Эссе Homo. Сумерки идолов. М.: АСТ, 2019.
- Ницше 2020 – *Ницше Ф.* Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках. М.: Акад. проект, 2020.
- Barthes 1975 – *Barthes R.* The Pleasure of the Text. N. Y.: Hill and Wang, 1975.
- Benjamin 1968 – *Benjamin W.* The Task of the Translator // Venuti L. (ed.). The Translation Studies Readery. London; N. Y.: Routledge, 1968. P. 15–25.
- McCormack 1986 – *McCormack M.* What They Don't Teach You at Harvard Business School. Glasgow: Fontana Collins, 1986.
- Nietzsche 1968 – *Nietzsche F.* The Will to Power. N. Y.: Vintage Books, a Division of Random House. 612 p.

REFERENCES

- Barthes R., 1989. *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow, Progress Publ.
- Wittgenstein L., 2001. *Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. 1*. Moscow, Dom intelektual. kn.
- Wittgenstein L., 2015. *Diaries 1914–1916*. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya».
- Wittgenstein L., 2018. *Philosophical Investigations*. Moscow, AST Publ.
- Wittgenstein L., 2020. *Notes. Zettel*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Wittgenstein L., 2022. *Remarks on Colour*. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya».
- Wittgenstein L., 2024. *Culture and Value. On Certainty*. Moscow, AST Publ.
- Guattari F., 2020. *The Machine Unconscious: Essays in Schizoanalysis*. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha.
- Damásio A., 2018. *Self-Consciousness and Reason: Building the Conscious Brain*. Moscow, Karyera Press.
- Deleuze G., 2004. *Kant's Critical Philosophy: The Doctrine of the Faculties. Bergsonism. Spinoza*. Moscow, PER SE.
- Deleuze G., Guattari F., 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya; Moscow, Astrel Publ.
- Genette G., 1998. *Figures. In 2 Vols*. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Zhirmunskiy V., 1914. *German Romanticism and Contemporary Mysticism*. Saint Petersburg, Tip. Tovarishchestva A.S. Suvorina «Novoe Vremya».
- Kristeva Ju., 2004. *Selected Works: The Destruction of Poetics*. Moscow, ROSSPEN.
- Lacan J., 2006. *Seminars. Book 10: Anxiety*. Moscow, Gnozis Publ.; Logos Publ.
- Nietzsche F., 1882. *The Gay Science*. Moscow, OMIKO. 298 p.
- Nietzsche F., 2005. *The Will to Power: Attempt at a Revaluation of All Values*. Moscow, Kultur. revolyutsiya Publ.
- Nietzsche F., 2007. *Letters*. Moscow, Kultur. revolyutsiya Publ.
- Nietzsche F., 2019. *The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols*. Moscow, AST Publ.
- Nietzsche F., 2020. *Daybreak: Thoughts on Moral Prejudices*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Barthes R., 1975. *The Pleasure of the Text*. New York, Hill and Wang.
- Benjamin W., 1968. The Task of the Translator. Venuti L. (ed.). *The Translation Studies Reader*. London, New York, Routledge, pp. 15-25.
- McCormack M., 1986. *What They Don't Teach You at Harvard Business School*. Glasgow, Fontana Collins.
- Nietzsche F., 1968. *The Will to Power*. New York: Vintage Books, a Division of Random House. 612 p.

Information About the Author

Sergey V. Sakhnevich, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics, Institute of Business Career, Nizhegorodskaya St, 32, Bld. 4, 109029 Moscow, Russian Federation, crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Сахневич, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Институт деловой карьеры, ул. Нижегородская, 32, стр. 4, 109029 г. Москва, Российская Федерация, crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>